кратно писали: „взят град Азов божиею милостию, вам, государем, в вотчину“, и „били челом государю, чтоб Азов государь велел у них принять в вотчину“.[1]

В момент острой политической борьбы вокруг азовского вопроса автор наш всей силой своего поэтического и публицистического таланта пропагандировал среди московских читателей интересы и идеалы казачества. Повесть его заканчивается той же просьбой об Азове и так же от лица всего Войска.

Повесть говорит: „а которые остались мы, холопи государевы, осады той и тѣ все переранены. Нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидячи, за имя божие и за веру христианскую. А топер мы Войскомь всемъ Донскимъ государя царя и вѣликого князя Михаила Федоровича всеа Росии просимъ милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в горотках живут,... холопей своих,[2] чтоб велел у нас принять с рукъ наших свою государеву вотчину Азов град для светов Предтечина и Николина образа, что имъ, свѣтом, [у]годно тутъ всемъ Азовымъ градомъ заступити и... онъ,[3] государь, от войны и от татар и вовеки, какъ сядутъ в Азове граде“ (л. 45).

Та же аргументация относительно обеспечения от „татарской войны“ давалась, как мы говорили, и на соборе. И на соборе включали в свои доводы соображения об „образе“ Предтечи: „Азов будет за бусурманом, и образ великого во пророцех крестителя господня Иванна Предотечи будет у них же бусурманов“.[4]

Повесть написана в жанре войсковой отписки от лица самого Войска. Формально автора в ней нет, и читатель непосредственно знакомится как бы с живым рассказом самих героев осады. Такая форма повести сочетала в себе элементы документальности с поэтическим вымыслом и эмоционально напряженным, захватывающим течением повествования от первого лица. Этот единственный в литературе образец жанра повести-отписки был основан на привычной всем официальной форме, принятой в сношениях Москвы с Доном, и убедительность такого рассказа о далеком Азове в виде как бы подлинного документа, привезенного оттуда, от этого только выигрывала.

Интересно отметить в связи с этим одну деталь, которая при общем сходстве манеры изложения в повести и в отписках, тонко отличает их друг от друга. В отписках Войско всегда адресуется прямо к царю, включая в свой рассказ непосредственные к нему обращения („государь“). Так, например, во второй отписке после азовской осады, где казаки напоминают о своей просьбе принять Азов и прислать туда гарнизон „к рожеству христову“, говорится: „И тот, государь, срок давно прошел,

---

Донские дела, кн. II, стб. 156, 62.

[2] Перед словом „холопей“, видимо, пропуск, по смыслу должно быть, вероятно; „чтобы пожаловал холопей своих“.

[3] Перед „он“ пропуск.

[4] Собр. гос. грамот..., стр. 389.